

Появленіе Лжедимитрія 1. Въ 1604 году вдругъ разнесся слухъ, что посланные Борисомъ убійцы Димитрія ошиблись, въ Угличѣ былъ зарѣзанъ другой ребенокъ: поповскій сынъ, чрезвычайно похожій на царевича Димитрія. Настоящій же сынъ Іоанна живъ, скрывается въ Польшѣ и думаетъ о томъ, какъ вернуть ему отцовскій тронъ, занятый похитителемъ.

Дѣйствительно, въ Польшѣ при дворѣ богатаго князя Вишневецкаго появился человѣкъ, который сталъ выдавать себя за спасеннаго царевича Димитрія. Это былъ юноша лѣтъ двадцати съ небольшимъ, худощавый, небольшого роста, со смуглымъ широкимъ лицомъ. Уши у него были длинныя, волосы русые, рыжеватые, глаза темно-голубые, большой ротъ, толстыя губы и крупный носъ, на лицѣ у него были двѣ бородавки: одна на носу, на правой сторонѣ, а другая— на лѣвой сторонѣ на лбу, да, кромѣ того, родимое пятно

у праваго плеча. Одна рука у него была длиннѣе другой. Нѣкоторыми изъ этихъ примѣтъ онъ походилъ на царевича. Говориль названный Димитрій на чисто - рускомъ нарѣчіи очень складно, съ увлеченiemъ. Кто на самомъ дѣлѣ былъ этотъ загадочный юноша, до сихъ поръ не выяснено. Самъ онъ, повидимому, вѣриль, что онъ царскій сынъ. Вѣроятно, бояре, желая свергнуть Годунова, рѣшили выставить противъ него самозванца. Они, по всей вѣроятности, убѣдили какого-нибудь безроднаго, но честолюбиваго юношу, что онъ царевичъ Димитрій, и онъ искренно повѣрилъ этому. Въ Польшѣ названный Димитрій нашелъ поддержку. Особенно покровительствовали ему Вишневецкій и Юрій Мнишекъ. Послѣдній намѣренъ былъ выдать за него свою дочь, гордую властолюбивую Марину Мнишекъ. Польскій король Сигизмундъ давалъ ему денежную помошь и позволилъ ему вербовать охочихъ людей. Наконецъ католические монахи-иезуиты начали поддерживать названнаго Димитрія передъ папой въ надеждѣ, что Димитрій, сдѣлавшись царемъ Московскаго государства, введеть въ немъ католическую вѣру.

Вѣсти объ этомъ доходили до Москвы и чрезвычайно волнновали Бориса. Онъ велѣлъ охранять тщательно польскую границу. Патріархъ Іовъ отлучилъ Самозванца отъ Церкви и предалъ въ храмахъ анаѳемѣ. Борисъ издалъ грамоту, въ которой Самозванецъ называется бѣглымъ монахомъ Гришкой Отрепьевымъ.

По переходѣ Самозванца черезъ польскую границу въ русскіе предѣлы, къ нему примкнули казаки, и подъ его знамена стали стекаться искатели приключений и всѣ недовольные Борисомъ. Многіе города сѣверной Украины сдались самозванцу, какъ подлинному Димитрю. Но Новгородъ-Сѣверскъ, защищаемый Петромъ Басмановымъ, остался вѣренъ Борису и мужественно отбился отъ Самозванца. Сюда подошло царское войско подъ начальствомъ Мстиславскаго. Но уже ратными людьми овладѣло сомнѣніе, не поднимаютъ ли они руку противъ законнаго своего государя. При такой мысли русскихъ, по выражению лѣтописца, не было руки для сѣчи. Мстиславскій потерпѣлъ пораженіе. При Добры-

ничахъ Самозванецъ былъ разбитъ Василіемъ Шуйскимъ, но скоро оправился.

Число приверженцевъ Годунова таяло, число сторонниковъ названнаго Димитрія росло. Борисъ видѣлъ, что все противъ него, онъ извѣрился и въ воеводахъ.

Въ апрѣлѣ 1605 года Борисъ послѣ обѣда поднялся на вышку царскаго терема полюбоваться видомъ Москвы и внезапно почувствовалъ себя дурно: у него полилась изъ ушей и ноздрей кровь. Призвали врачей-иностраницъ и патріарха. Полумертвый Борисъ принялъ иноческій санъ подъ именемъ Боголѣпа, и послѣ полудня скончался.

Ѳеодоръ Годуновъ. По призыву патріарха Москва присягнула сыну Бориса, Ѳеодору. Онъ былъ добрый и хорошо образованный юноша (16 лѣтъ). Первымъ его дѣломъ было послать противъ Самозванца, уже прославившагося мужествомъ и преданностью, воеводу Басманову, но Басмановъ измѣнилъ. Самозванецъ безпрепятственно шелъ въ Москву. Но раньше сюда явились посланные отъ Самозванца и прочли народу грамоту отъ него съ обѣщаніемъ всякихъ льготъ. Народъ не зналъ, кому вѣрить. Вышелъ къ народу бояринъ Василій Шуйскій, который велъ въ Угличъ слѣдствіе по дѣлу обѣ убийствъ Димитрія, и объявилъ, что въ слѣдственномъ донесеніи онъ говорилъ неправду, и что къ царевичу Димитрію на самомъ дѣлѣ послалъ убийцъ Годуновъ, но царевича спасли. Тогда народъ схватилъ Ѳеодора Годунова и изъ дворца перевелъ въ прежній домъ Годуновыхъ; а потомъ два боярина, передавшіеся Самозванцу, убили молодого царя вмѣстѣ съ его матерью.

Лжедимитрій I. Самозванецъ торжественно вѣхалъ въ Москву. Былъ чудный лѣтній день. Улицы и площади были полны народомъ. Народъ взбрался на крыши домовъ и на колокольни, привѣтствовалъ царя Димитрія Ивановича и былъ свидѣтелемъ необычайного зрѣлища: впереди царя вѣхали польскіе латники, въ ихъ крылатыхъ шлемахъ и панцыряхъ, польскіе паны въ кунтушахъ и конфедератахъ; вокругъ Самозванца было много нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ; сзади же шли русскіе бояре и русскіе полки. Лжедимитрій вѣхалъ па бѣломъ конѣ, въ великолѣпной одѣ-

ждѣ, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150.000 червонныхъ. Звонъ колоколовъ сливался съ привѣтственными кликами народа. Но народъ уже отличалъ нѣкоторыя недобрыя примѣты, которыя предвѣщали бѣдствіе. Когда Самозванецъ выѣзжалъ изъ московскихъ воротъ на Красную площадь, поднялся страшный вихрь, всадники едва усидѣли на лошадяхъ, колокола сами собою зазвонили у св. Софии, что на Набережной. Смущало народъ еще то, что на Красной площади гремѣла музыка: трубы и литавры заглушали церковное пѣніе. Въ Кремль Самозванецъ поспѣтилъ гробъ Иоанна Грознаго. Здѣсь онъ обнаружилъ непрітворное волненіе. Окончательно убѣдило народъ въ томъ, что названный царь настоящій Димитрій, его встрѣча съ царицей инокиней Мареой, которая признала его своимъ сыномъ. Эта встрѣча состоялась въ шатрѣ близъ села Тайнинскаго.

30 іюня 1605 года произошло вѣнчаніе Лжедимитрія на царство въ Успенскомъ соборѣ. Впечатлѣніе отъ торжественнаго обряда было испорчено тѣмъ, что польскій іезуитъ привѣтствовалъ въ соборѣ рѣчью новаго царя. По случаю коронаціи были объявлены царскія милости, особенно тѣмъ лицамъ, которыхъ пострадали во время царствованія Бориса. Филаретъ Никитичъ Романовъ былъ посвященъ въ митрополиты ростовскіе.

Лжедимитрій дѣятельно занимался дѣлами правленія: каждую среду и субботу онъ принималъ самъ на Красномъ крыльцѣ членовъ и присутствовалъ въ Боярской Думѣ. Было облегчено положеніе крестьянъ. Онъ нисколько не походилъ на нашихъ древнихъ царей. Называя себя непобѣдимымъ императоромъ (онъ писалъ: імператоръ), Самозванецъ сдѣлалъ себѣ изъ чистаго золота богатѣйшій тронъ со львомъ и большими орлами и увѣшалъ его брильянтовыми и жемчужными кистями. Одѣтый въ польскій костюмъ, онъ бѣшено щѣзжалъ верхомъ по Москвѣ и верхомъ подъѣзжалъ даже къ Успенскому собору, чего никогда не бывало. За своимъ столомъ онъ ввелъ музыку и пѣніе. Въ числѣ блюдъ, любимыхъ имъ, была богоопротивная, по мнѣнію русскихъ, телятина. Послѣ обѣда Самозванецъ не умывалъ рукъ и не ложился спать; въ то время, какъ вся

Москва послѣ обѣда обращалась въ сонное царство, онъ съ кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ посѣщалъ лавки нѣмецкихъ мастеровъ; самъ училъ воиновъ наѣздничеству и фехтованію, стрѣлялъ изъ пушки, устраивалъ примѣрные штурмы крѣпости, бросался въ свалку и смеялся, когда его въ замѣшательствѣ сшибали съ ногъ и давили.

Самозванецъ не прерывалъ въ это время своихъ сношений съ семействомъ Мнишекъ, вель съ воеводою частую переписку и посыпалъ ему такъ много денегъ, что тотъ вскорѣ заплатилъ всѣ свои долги.

Въ ноябрѣ Димитрій отправилъ въ Краковъ торжественное посольство, во главѣ котораго стоялъ дьякъ Аѳанасій Власьевъ, которому поручено было просить у короля отъ имени Димитрія руки Маринѣ. Въ Краковѣ же состоялось заочное обрученіе съ Димитріемъ, замѣстителемъ котораго былъ Власьевъ. Это торжество сопровождалось столь пышными праздниками, и подарки, присланные царемъ своей невѣстѣ, ея отцу и Сигизмунду, были такъ роскошны, что обѣ нихъ говорила вся Европа.

Междуд тѣмъ Москва готовилась къ встрѣчѣ царской невѣсты. 3 мая она прибыла въ Москву. За Дорогомиловской заставой, у Москвы рѣки, былъ раскинутъ великолѣпный шатерь. Здѣсь перешла Марина въ великолѣпную колесницу, украшенную серебряными орлами и запряженную двѣнадцатью бѣлыми конями съ черными пятнами. Внутри колесницы лежали подушки, унизанныя жемчугомъ; колеса ея были вызолочены. Впереди шли 300 гайдуковъ и 300 музыкантовъ. За колесницей щекали 30 каретъ съ польской свитой. Гудѣли колокола, воздухъ потрясалъ пушечные выстрѣлы. Путь лежалъ по нынѣшнему Арбату, Тверскому бульвару, по Тверской, черезъ Воскресенскія ворота на Красную площадь. Марина была одѣта въ бѣлое атласное платье французскаго покроя, въ жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. У Вознесенскаго монастыря она была встрѣчена женихомъ и царицей инокиней и поселилась въ кельяхъ монастыря.

Первое время по своемъ прїездѣ панна Марина ничего не ъла, потому что русскія кушанья постныя монастырскія

не нравились ей. Тогда Лжедимитрій прислалъ ей въ Вознесенскій монастырь польскихъ поваровъ и приказалъ увеселять ее музыкой и пляской.

7 мая вечеромъ, при свѣтѣ 200 факеловъ, Марина перѣхала изъ монастыря во дворецъ. На другой день утромъ совершено было ея обручение въ Столовой палатѣ. При обрученіи присутствовали только тысяцкій Василій Шуйскій, дружки, свахи и еще немногіе. Марина была въ русскомъ бархатномъ платьѣ, украшенномъ множествомъ драгоцѣнныхъ камней, и въ золотомъ вѣнцѣ. Затѣмъ обрученные перешли въ Грановитую палату, гдѣ ждали ихъ русскій дворъ, польская свита и послы короля. Здѣсь поставлены были два трона. Михаилъ Нагой держалъ корону и бармы Мономаха, къ которымъ Марина приложилась. Затѣмъ царскій духовникъ повелъ жениха и невѣstu въ Успенскій соборъ, гдѣ прежде всего Марина была вѣнчана на царство, а потомъ совершено было бракосочетаніе царя и царицы. Новый патріархъ Игнатій, возведенный вмѣсто Іова, друга Годунова, помазалъ ее елеемъ и причастилъ. Совершеніе обрядовъ затянулось до вечера. Новобрачные вышли изъ собора, при звонѣ колоколовъ, пушечныхъ выстрѣловъ и звукахъ трубъ и литавръ. Въ дверяхъ собора ихъ осыпали золотыми монетами изъ богатой чапи.

Казанскій митрополитъ Гермогенъ (впослѣдствіи патріархъ) предупреждалъ царя, что Марина должна сначала отречься отъ латинства и присоединиться къ православію. Но это не было исполнено. Равнымъ образомъ нарушенъ былъ обычай русской Церкви, по которому не разрѣшалось совершать свадьбы подъ пятницу. Въ этомъ году въ пятницу приходился праздникъ св. Николая чудотворца.

Во время празднованія своей свадьбы и послѣ вообще въ своей жизни названный Димитрій выказалъ полное свое пристрастіе ко всему польскому.

Постройка дворца и крѣпости на колесахъ. Лжедимитрій выстроилъ для себя новыя хоромы возлѣ Срѣтенскаго собора, лицевой стороной онѣ были обращены къ Москвѣ-рѣкѣ. Зданіе находилось на высокой горѣ, подъ которой протекаетъ Москва-рѣка. Оно состояло изъ двухъ строеній, расположенныхъ

ныхъ одно противъ другого и сходившихся подъ угломъ. Въ этомъ дворцѣ Димитрій велѣль устроить очень дорогіе балдахины, стѣны обить дорогою парчею и бархатомъ; всѣ гвозди, крюки, цѣпи и петли дверныя покрыть толстымъ слоемъ позолоты, внутри сдѣлать превосходныя печи и украсить ихъ произведеніями искусства. Занавѣски у оконъ были сдѣланы изъ плотной матеріи алаго цвѣта. Онъ приказалъ выстроить роскошныя бани, красивыя башни. Во дворцѣ царь велѣль устроить множество потайныхъ дверей и ходовъ. Изъ этого дворца Самозванецъ любовался не только видами Москвы, но и разными потѣхами, которыя зимой устраивалъ на льду Москвы-рѣки.

Однажды велѣль онъ устроить крѣпость на колесахъ (турусы на колесахъ, гуляй-городъ). Она была вся раскрашена: на дверяхъ были изображены слоны, на окнахъ — входъ въ адъ, извергавшій пламя; въ нижней части, на небольшихъ окнахъ, имѣвшихъ видъ чортовыхъ головъ, были поставлены маленькия орудія. Эта крѣпость сооружена была противъ татаръ. Думали, что отъ такого изображенія татары тотчасъ же придутъ въ замѣшательство и обратятся въ бѣгство. «Москвики,— говорилъ съ временникъ,— называли эту крѣпость адскимъ чудовищемъ и послѣ смерти Димитрія, котораго они называли чародѣемъ, говорили, что онъ заперъ тамъ черта, впослѣдствіи сожженного вмѣстѣ съ этой крѣпостью».

Заговоръ и конецъ Лжедимитрія I. Всѣ такія нововведенія царя страшно смущали народъ. Князю Василію Ивановичу Шуйскому удалось подготовить заговоръ противъ Самозванца. Шуйскій привлекъ на свою сторону многихъ бояръ, торговыхъ людей и 18 тысячъ войска, стоявшаго подъ Москвою и предназначенаго для похода въ Крымъ. Въ ночь съ 16 на 17 мая заговорщики ввели войско въ городъ и заняли имъ Кремлевскія ворота. Дворецъ въ это время охранялся только 30 нѣмецкими аллебардщиками, потому что остальныхъ бояре, именемъ Лжедимитрія, отпустили по домамъ.

Въ 4 часа утра ударили въ колоколь у Ильи пророка на Ильинкѣ. Загудѣль набатъ по всей Москвѣ. Народъ побѣ-

жалъ на Красную плошадь. Шуйскій верхомъ на конѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и мечомъ въ другой, въѣхалъ въ Кремль черезъ Фроловскія врота; приложившись въ Успенскомъ соборѣ къ образу Владимирской Богоматери, закричалъ народу, чтобы всѣ во имя Божіе шли на еретика.

Шумъ и набатъ разбудили Самозванца и его приближенныхъ. Димитрій, преслѣдуемый тоюпой мятежниковъ и уже раненый, выскочилъ изъ окна на деревянные подмостки и хотѣлъ перешагнуть на другое, но оступился и упалъ съ высоты 15 аршинъ, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь. Стоявши на караулѣ у Боровицкихъ воротъ стрѣльцы увидали лежащаго государя, услыхали его стоны и явились къ нему на помощь. Они подняли его, облили водой и ввели въ его дворецъ. Стрѣльцамъ, его защитникамъ, мятежники пригрозили, что пожгутъ ихъ дома въ Стрѣлецкой слободѣ и побьютъ ихъ семьи. Въ покояхъ убили Димитрія выстрѣлами изъ ружья купецъ Григорій Валуевъ и Иванъ Васильевъ Воейковъ.

Марина, предупрежденная Димитріемъ объ опасности, ей угрожавшей, бѣжала изъ своихъ покоеvъ въ избу, гдѣ спали ея служанки. Но заговорщики кинулись и туда и, найдя двери запертыми, выломали ихъ. Только ея спальникъ, Янъ, ставъ въ дверяхъ, сдерживалъ довольно долго натискъ злодѣевъ, пока не наль въ неравной борбѣ. Тогда чернь бросилась на него и растерзала его въ клочки и, ворвавшись въ избу, принялась съ остервенѣniемъ все бить и истреблять. «Гдѣ вашъ царь, гдѣ ваша царица?» кричали заговорщики. Воспитательница Марины Казановская отвѣчала: «Мы отвезли ея величество сегодня рано утромъ къ ея отцу, а гдѣ царь, о томъ вамъ лучше знать». Къ счастью Марины, въ это время подоспѣло нѣсколько бояръ, которые разогнали чернь и дали для ея личной охраны стражу, но вмѣстѣ съ тѣмъ они приказали опечатать всѣ вещи, принадлежащія ей и ея служанкамъ.

Въ слободѣ, гдѣ жили поляки, началась рѣзня. Въ тотъ день погибло до 500 человѣкъ.

Избраніе царемъ Василія Шуйскаго. По смерти Лжедимитрія I Московское государство снова осталось безъ царя. По

обычно того времени, надлежало созвать Земской соборъ для избранія царя. Но московскіе бояре рѣшили совершить избраніе безъ участія представителей всей русской земли. Объ этомъ особенно хлопоталъ главный кандидатъ на московскій престолъ князь Василій Шуйскій. Земской соборъ его могъ и не избрать, — народъ не любилъ Шуйскаго за его лживость и непостоянство въ словѣ и дѣлѣ. Напримѣръ, сначала онъ преклонялся передъ Борисомъ, а послѣ легко откачнулся отъ него и призналъ Самозванца за сына Грознаго — Димитрія, что, однако, не помѣщало ему потомъ объявить его Самозванцемъ и при помощи заговора свергнуть.

Самая наружность Шуйскаго не располагала къ себѣ — онъ былъ уже 54 лѣтъ, небольшого роста, подслѣповатый, невзрачный.

17 мая былъ убитъ Лжедимитрій, а 19 утромъ народъ собрался на Красной площади. Зашелъ было разговоръ объ избраніи патріарха, который разослалъ бы грамоты для созыва людей на избраніе царя. Но въ это время толпа приверженцевъ Шуйскаго закричала или, какъ говорить лѣтописецъ, выкрикнула, что царь нужнѣе патріарха, скорѣе надо избрать царя и да будетъ царемъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Съ Красной площади поторопились въ Успенскій соборъ — присягнуть новоизбранному царю. Не только въ другихъ городахъ не знали, «да и на Москвѣ не вѣдали многіе люди», говоритъ лѣтописецъ объ избраніи Шуйскаго на царство.

Возводя Шуйскаго на престолъ, бояре рѣшили подѣлить съ нимъ власть, а главное оградить себя отъ царскаго гнѣва. И взяли съ него грамоту, въ которой онъ писалъ: «Поволилъ крестъ цѣловать на томъ, что ему никого смерти не предавать, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими».

Іоаннъ IV говорилъ про себя: «Жаловать своихъ холопей вольны мы и казнить ихъ вольны же». Шуйскій уже не могъ къ себѣ примѣнить эти слова — воля его въ жалованіи и казни «холопей» должна была подчиняться совѣту бояръ.

По всему Московскому государству Шуйскій разослалъ грамоты о своемъ избраніи, гдѣ доказывалъ, что избранъ

вполнѣ законно, а не самъ пожаловалъ себя въ цари; что свергнутый царь былъ Самозванецъ, не сынъ Иоанна IV — Димитрій, а бѣглый монахъ Гришка Отреپьевъ. Какъ бы въ подтверждение своего заявленія о самозванствѣ прежняго царя, онъ повелѣвъ открыть мопци убіеннаго царевича Димитрія, торжественно переносить ихъ изъ Углича въ Москву, тдѣ и полагаетъ въ Архангельскомъ соборѣ. Несмотря на всѣ грамоты, народъ сталъ во враждебныя отношенія къ новому царю. Народъ видѣлъ въ немъ только ставленника и слугу бояръ: бояре безъ вѣдома всего народа свергнули названнаго Димитрія, безъ вѣдома народа возвели Шуйскаго, безъ вѣдома народа и Шуйскій согласился раздѣлить свою власть съ боярами; боярское правленіе было всѣмъ достаточно извѣстно и ненавистно — стоило только припомнить первые годы царствованія Иоанна IV.

Болотниковъ. Скоро недовольство перешло въ открытое восстание. Началось оно въ Сѣверскихъ городахъ. Разнесся слухъ, что 17 мая убить не московскій царь, а какой-то нѣмецъ, что Димитрій живъ. Первый пустилъ этотъ слухъ воевода города Путивля князь Шаховской, приверженецъ Лжедимитрія I, сосланный сюда Шуйскимъ. Сразу поднялись города Путивль, Елецъ и Черниговъ. Не доставало отважнаго предводителя, по и онъ скоро явился. То былъ Иванъ Болотниковъ. Судьба этого человѣка замѣчательна: онъ былъ холонъ черниговскаго начальника, попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, былъ проданъ туркамъ и пѣсколько лѣтъ работалъ въ Турціи на галерахъ (на катергѣ). Затѣмъ какимъ-то образомъ освободился оттуда и попалъ въ Венецію. Изъ Венеціи онъ пробрался въ Польшу. Въ Польшѣ его задержали одинъ изъ приверженцевъ первого Самозванца и послалъ къ князю Шаховскому. Послѣдній принялъ его очень ласково и далъ ему отрядъ. Болотниковъ постарался увеличить свой отрядъ: онъ созывалъ подъ свое знамя всѣхъ бѣглыхъ, обездоленныхъ людей; именемъ несуществующаго Димитрія обѣщалъ имъ прощеніе и разныя льготы. Болотниковъ и его сборная ратьшли на битву не столько за Дмитрія и не столь противъ Шуйскаго, сколько противъ своихъ угнетателей — бояръ и помѣщиковъ. Они

грабили и уничтожали ихъ имѣнія. Болотниковъ повсюду разсыпаетъ листки, въ которыхъ велитъ «боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ; безымянникамъ - ворамъ - гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и грабити, и призываетъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотеть имъ давати боярство и воеводство». Шуйскій выслалъ противъ мятежниковъ войска, но побѣда осталась на сторонѣ Болотникова. Это очень повлияло на успѣхъ восстанія: цѣлый рядъ городовъ южной половины Московскаго царства возсталъ противъ Шуйскаго. Мятежная рать особенно усилилась съ присоединеніемъ рязанскихъ городовъ.

Рязанская область лежала на границѣ со степью и подвергалась постояннымъ набѣгамъ татаръ и разныхъ разбойниччьихъ шаекъ. Поэтому рязанцы закалились въ бояхъ и отличались отвагой и сурвостью характера.

Въ то время среди рязанскихъ дворянъ выдѣлялись братья Ляпуновы — Прокопій и Захарь, и особенно Прокопій. Онъ скоро сталъ во главѣ ополченія, подпявшагося противъ Шуйскаго. Къ рязанскому ополченію присоединилось тульское.

На пути къ Москвѣ дворянскія ополченія Рязани и Тулы соединились съ шайкой Болотникова и вмѣстѣ подступили къ Москвѣ и расположились станомъ въ селѣ Коломенскомъ. У Шуйскаго не было войска, чтобы отразить враговъ.

Въ Москвѣ стала замѣчаться недостатокъ хлѣба, такъ какъ мятежники не пропускали подводъ съ провіантромъ. Открылся голодъ.

Къ счастью Шуйскаго, началась вражда между военачальниками дворянскаго ополченія и Болотниковымъ. Дворяне увидали, что восстаніе Болотникова направлено больше противъ нихъ, дворянъ и бояръ, съ цѣлью отнять у нихъ холоповъ и помѣстья, нежели противъ Шуйскаго. Тогда Ляпуновъ съ своими товарищами явился къ Шуйскому съ повинною головою. За ними послѣдовали и ихъ дружины.

Дѣла Шуйскаго поправились. Болотниковъ отъ Москвы отступилъ и засѣлъ въ Тулѣ. Слѣдомъ за нимъ шло московское ополченіе. Шуйскій осадилъ Тулу и велѣлъ запрудить рѣку Упу. Рѣка разлилась и затопила городъ.

Начался голодъ. Мятежники принуждены были сдаться. Болотниковъ былъ сосланъ на сѣверъ (въ г. Каргополь) и тамъ утопленъ. Шуйскій съ торжествомъ вернулся въ Москву. Между тѣмъ надъ его головой собиралась новая гроза.

Тушинскій воръ. Еще когда Болотниковъ жилъ въ Тулѣ, явился второй Самозванецъ. Разно говорили о происхожденіи новаго Самозванца: одни говорили, что онъ духовнаго званія; другіе — что онъ царскій дьякъ... Впервые онъ появился въ Пропойскѣ, въ пограничномъ литовскомъ городѣ, гдѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Здѣсь онъ назывался родственникомъ боярь Нагихъ и просился, чтобы его отпустили на Русь, въ Стародубъ. Его отпустили. Изъ Стародуба онъ посыаетъ своего пріятеля по сѣверской сторонѣ объявлять, что Димитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Стародубцы первыс признали въ Самозванцѣ московскаго царя и начали разсыпать о немъ грамоты по другимъ городамъ. Вокругъ Самозванца начала собираться дружина, состоявшая изъ польскихъ искателей приключений, казаковъ, бѣглыхъ крестьянскихъ холоповъ и всякихъ проходимцевъ, которые передъ тѣмъ составляли ополченіе Болотникова. Нѣкоторые шли къ нему, надѣясь добиться улучшенія своей участіи, а большинство просто разсчитывало на «воровство» и грабежъ. Поэтому и за вторымъ Самозванцемъ сохранилось название «Вора».

Со своимъ сборищемъ войскомъ «Воръ» двинулся въ походъ на Русь. При городѣ Болховѣ разбилъ царское войско, — путь къ Москвѣ былъ открытъ. Въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ, онъ основалъ укрѣпленный станъ. Съ этого времени онъ получилъ название Тушинскаго вора.

Первые успѣхи «Вора» привлекли къ нему новыя силы: приходили къ нему казація шайки, приводили польскіе шляхтичи свои дружины. Такъ явились къ нему со своими отрядами Лисовскій и Янъ Сапѣга, стоявшіе во главѣ польскихъ искателей приключений. Съ наступленіемъ холода въ построены были временные жилища, и Тушино быстро превратилось въ цѣлый городокъ, въ которомъ открылась довольно шумная торговля. Понаѣхало много купцовъ. «Гуляки жили здѣсь шумно и весело — всѣмъ было разливан-

ное море. Польские начальники отправлялись по окрестностямъ, приказывали курить вино и варить пиво на войско, собирали запасы хлѣба, мяса, соли, овса, сѣна, масла и свозили въ таборъ, туда же гнали быковъ, барановъ и гусей. Игра въ карты и кости забавляла гульяевъ и доводила ихъ до дракъ и убийствъ. Съ панами были цѣлые поварни, и они гонялись за звѣрями по окрестностямъ, полемъ и лѣсамъ». Такъ протекала жизнь въ Тушинскомъ станѣ; изрѣдка происходили схватки съ войсками Шуйского. Главнымъ начальникомъ являлся польский гетманъ Рожинский.

Положеніе Москвы было крайне затруднительно. Народъ не зналъ, вѣрить ли Самозванцу, котораго признала даже Марина Мнишекъ, или остаться при Шуйскомъ. Появилось много измѣнниковъ, которые перешли на сторону «Вора». Были такие люди, которые то ходили въ Тушино за разными подачками, чинами и «деревнишками», то возвращались въ Москву и, продолжая получать жалованье отъ Тушинского вора, ждали награды отъ царя Василія за то, что возвратились, «отстали отъ измѣны». Находились такие лица, которыхъ по нѣскольку разъ совершили подобные переходы. Такихъ лицъ называли перелетами.

Московское царство было разграблено, поэтому тушинцы направились за поживой на сѣверъ. Шуйскій хотѣлъ преградить имъ дорогу, но войска его были разбиты Сапѣгой.

Осада Троицкой лавры. Хищные поляки прежде всего обратили свое вниманіе на богатѣйшую Троицкую лавру; имъ необходимо было ее взять и для того, чтобы обезопасить свой путь на сѣверъ. Въ монастырѣ было 1.500 человѣкъ, годныхъ къ бою, считая и монаховъ. Этой горести защитниковъ пришлось выдержать осаду цѣлой арміи Сапѣги и Лисовскаго, числомъ отъ 20 до 30 тысячъ человѣкъ. Стремительные приступы тушинцевъ были отбиты. Тогда поляки рѣшили повести правильную осаду. Но осада была не такъ страшна для монастыря — въ немъ имѣлись большие запасы продовольствія. Полтора года полякиостояли здѣсь и ушли ни съ чѣмъ: правда, гарнизонъ и иночі изнемогали отъ голода и болѣзней, а все-таки не сдались.

